

СТЕПАН ГАВРИЛОВ
РОЖДЁННЫЙ
ПРОВОРНЫМ

18+ Содержит
нецензурную
брань

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

Книжная полка Вадима Левенталя

Степан Гаврилов

Рождённый проворным

ИД «Городец»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Гаврилов С.

Рождённый проворным / С. Гаврилов — ИД «Городец»,
2021 — (Книжная полка Вадима Левенталья)

ISBN 978-5-907358-45-4

Веселая затея молодых уральских ребят — опенэйр, рейв, наркотики, вот это вот все — оборачивается неожиданными приключениями. Поначалу веселыми, но чем далее, тем более странными — настолько, что в какой-то момент читатель проваливается в настоящую русскую хтонь, которая чем дальше на восток, тем, вместе с реками и горами, все масштабнее и величественнее. Так писал бы укушенный Гоголем Берроуз. Содержит нецензурную брань!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907358-45-4

© Гаврилов С., 2021
© ИД «Городец», 2021

Содержание

На этом берегу	6
А на том берегу	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Степан Гаврилов

Рождённый проворным

© С. Гаврилов, 2021

© ИД «Городец», 2021

© П. Лосев, оформление, 2021

* * *

Посвящая Михею

Обычно я ей говорил: после того, как ты повесишь трубку, поставь песню Born Slippy лондонских электронщиков Underworld, слушай внимательно. На седьмой минуте, после слов про грязного обдолбанного мальчика-ангела и после фразы «сидя на корточках и писая в отверстие трубы на станции Тоттенхем Корт Роуд», там, где вокал Карла Хайда утихнет и начнётся самое дикое техно на свете, я позвоню в твою дверь. Я говорил так и прятал мобилу в карман.

Потом закуривал и садился на велик, педали крутил почти не торопясь, приостанавливался ровно на середине пути, чтобы закурить вторую. И ровно в тот момент, когда в её колонках звучало в последний раз: «She smiled at you o-o-o-y», я звонил в домофон. Пока играл длинный проигрыш, почти полностью состоявший из электронной секвенции, я поднимал велосипед на площадку между первым и вторым этажом, оставлял его под почтовыми ящиками и мигом преодолевал ещё несколько ступенек вверх. Она прыгала на меня, едва я успевал расшнуровывать кеды. Снять их она мне не давала, никак не разжимала свои бледные гладкие сильные ноги, обхватывавшие меня почти смертельно чуть выше ремня.

Когда мне всё-таки удавалось снять кеды – сначала левый об правый, потом правый об разутую левую ногу, песня Born Slippy – «Рождённый проворным» – уже утихала. Трахаться под саундтрек из фильма Trainspotting нам казалось неимоверной пошлостью: до сих пор уверен, что так оно и есть. Ещё минут через десять в ней будто бы что-то взрывалось, будто бы все её органы на долю секунды останавливались, а потом лопались от внутреннего напряжения, как в тех эффектных слоу-моушн-сёмках. Она задерживала этот всплеск невероятной силы в себе: мужественно, не издавая ни звука, будто бы терпя невыносимую боль, которую нельзя разделить ни с кем. Чёрные кудри её вздрагивали и падали на глаза. Лицо моментально покрывалось неровными красными пятнами. Пятна ложились на шею и грудь вплоть до сосков, будто бы её кожа была бледным, полупрозрачным оргстеклом, на которое изнутри попадали сгустки крови от разорвавшихся в мгновение органов.

Потом она открывала глаза и роняла голову мне на грудь. Рождённая проворной, она спускалась ниже, чтобы потом оставить на моём животе длинный и влажный след.

Когда она шла в душ, я принимался рассматривать газетные и журнальные вырезки, накиданные на полу всегда как попало.

Так обычно всё и было. Спроси меня – ответил бы, что прошло не меньше года, хотя знакомы мы были всего пару месяцев: начиная с горячего мая. Всё было отрепетировано до мельчайших деталей: всегда я звонил ровно в тот момент, когда в колонках звучало «She smiled at you o-o-o-y» в последний раз, всегда след на моём животе оставался примерно одной консистенции и формы, никуда не девался беспорядок на полу – это её брат-аутист, которого никто из нашей компании никогда не видел, каждый вечер делал новые вырезки и коллажи.

Так всегда всё повторялось до мелочей, по кругу. Но только не сегодня. Сегодня песня доиграет до конца, но меня ещё не будет.

На этом берегу

21 июня

07:19

Бетонные стены завода по ту сторону леса совсем побелели, и мелкая паутина сырых трещин на них в этом свежем свете исчезла. Всё казалось немного расфокусированным, как бы скользящим мимо своей плоти и тяжести. Повсюду завибрировало – кузнечики и, может быть, цикады. Ещё не стояли в воздухе дымка и густота, которые лягут плотным грузом до середины следующей ночи совсем скоро, поэтому дышалось хорошо, легко. И курилось тоже здорово. Табак в папиресе казался Гере Хартбрейкеру, красавцу и здоровяку, особенно душистым.

Он остановил свой ржаво-баклажанный автомобиль марки «жигули двадцать один ноль пять» возле голой опушки с этой стороны леса, неподалёку от завода. Опушка полулежала на склоне холма. Гера, выйдя из тачки, тут же пошёл осматривать решётку двигателя. Расчищая пальцами налипший к решётке горячий пластилин, состоящий из пылицы трав, грязи, всякой другой био- и не очень био-массы серо-коричневого цвета, он искал кое-что другое. Он искал один цвет – васильковый.

Это всё потому, что васильковые бабочки, в великом множестве вившиеся возле тонкого ручья, который Гера недавно пересекал вброд, замороженные собственным блаженством, никак не хотели понять, что на свете существуют ещё и такие вещи, как, например, старые ржаво-баклажанные жигули, что эти жигули, чтоб их, могут протаранить тебя, когда ты пребываешь на пике блаженства в своём пасторальном экстазе. И теперь Гера вычищал решётку двигателя, размазывая пахнущую мазутом, глиной и теплом субстанцию. Но ни одного василькового крылышка не оказалось.

– Вух! – прогудел Гера, выплюнул хабарик и весело принялся распутывать тугие жгуты, придерживающие здоровый, восьмидесяти-, кажется, килограммовый бензиновый генератор, бережно погружённый в нутро багажника.

Багажник машины от размеров этой штуковины не закрывался и затруднял обзор назад, но Геру это не смущало – в дороге он отлично ориентировался по боковым зеркалам, если они были на месте. Да и зачем вообще смотреть назад?

Тут Гера немного замер, припоминая, что при переезде через ручей он, пытаясь объехать порхающих бабочек, резко повернул руль, и машину неслабо бахнуло днищем об валун. Но вспомнив, что ни одно животное не пострадало, снова принялся за генератор.

Гере удалось поднять штуковину со второго раза. Мышцы его при этом напряглись до предела, жилы вытянулись так, что чуть не прорезали кожу. Жигули, освободившись от груза, хрустнули разогнувшимися рессорами, будто артрозными коленями, и словно бы выдохнули. Без особого героизма пронёсся генератор несколько шагов, Гера поставил его в центр поляны и смахнул ладонью слабую росу со старого глянца бензобака. Тут на зелёном корпусе генератора, там, где бак прячется за костями каркаса, он увидел нечто васильковое, совсем-совсем матовое.

– Хм... – простонал Гера задумчиво.

Он аккуратно протянул здоровенную ладонь и заботливо снял с зелёного глянца единственное васильковое крылышко: со слабой, белого цвета зигзагообразной обводкой почти по самому краю.

Лицо Геры исказилось. Другой рукой он нащупал в кармане пачку «Беломора» и, чуть прижав картон, так, чтобы пачка смялась и приоткрылась, бросил крылышко в пахнущую влажным табаком темноту.

Гера ещё раз обследовал машину – теперь уже не только решётку. На фарах и дверях подтёки от разбившегося на холодные жемчужные брызги ручейка уже высохали. Но крылышек

не было. Порядок. И, тяжело выдохнув, Гера угрюмо принялся выгружать оставшийся багаж, заполнявший весь салон жигулей двадцать один ноль пять. Там были:

две колонки по сто ватт, они будут отвечать сегодня за середину; масса проводов (Герин любимый – грязно-янтарный, с тонкими серебристыми прожилками внутри); микшерный пульт на 16 каналов (первый не работает, его залили ликёром «Бейлиз»); лимитер аналоговый; пластиковые стаканчики на 0,25 мл – 17 штук; катушечный удлинитель питания на 220 вольт; небольшой, грубо сколоченный деревянный ящик от противогазов, в котором, закутанный в тряпье, лежал винил (перечислять наименования нет времени, сказать можно лишь то, что пластинок было не меньше трёх десятков, плюс ещё штук десять миньонов); далее шла пятилитрушка с казахстанским коньяком, великолепным в своей мерзости пойлом, которое называли не иначе как «стиратель» за его свойство напрочь вычищать содержимое кратковременной памяти; потом – барабан бонго (один поменьше – мачо – мужской, другой побольше – эмбра – женский).

Кстати, о женщинах – под резиновым ковриком завалился мятый женский чулок.

Гера улыбнулся, вспоминая, как чулок попал к нему в автомобиль, даже будто разволновался и вытащил пачку папирос. Но вместо беломорины на ладонь ему упало васильковое крылышко. Гера, тут же погрузнев, отправил крыло обратно во мрак пачки.

Вскоре к жужжанию многочисленных насекомых, совсем разошедшихся к тому моменту, прибавился шум – тарахтели движки легковушек. Сначала слабо, то пропадая, то появляясь за холмами, потом ближе и ближе.

Из подъехавших авто повыскакивала мятая от такого раннего подъёма бригада: Сеня Сантьяго – маленький, смуглый, кучерявый, главный организатор всего грядущего замеса; Антоша Солнце – хайратый диск-жокей и барыга хорошими вещами; Дэн – сын майора ФСКН, маленький, похожий на Элайджу Вуда барабанщик; Малыш – бугай, проигрывающий в размерах только Хартбрейкеру; Дятел – наш личный панк; а также прочая братва, среди которой можно выделить разве что художника по имени Разведчик, который всегда круто танцевал, зажигая народ, да ещё шуплого прыщавого упыря по имени Сгуха – его брали на тусычи только потому, что он барыжил вещами плохими, но, как думалось в то время, необходимыми для того, чтобы вечеринка прошла успешно.

У всех на лицах поигрывало не то детское, не то азартное что-то. И по этому играющему чему-то читалась всеобщая готовность встретить сегодня Солнцестояние должным образом, то есть на ура.

Распив бутылку паленого вискаря, который притащил Малыш, и тут же схлопотав не столько свежее опьянение, сколько мгновенное похмелье, банда довытаскивала из машин прочий аппарат и акустику, а затем дружно принялась коммутировать и заводить всю эту машинерию. Каждая вещь была на своём месте.

Вроде бы.

10:06

Я увидел его сутулую фигуру ещё издалека. Если бы движение в нашем городе было организовано по-другому, если бы было больше пространства для манёвра, ну и если я бы был более артистичным человеком, если бы мог искусно и без стеснения изображать сложный комплекс чувств и эмоций, например: «Ух ты, да я ж забыл выключить плойку!», то я бы смог резко развернуться и уехать.

Но тогда не было бы этой всей истории. А она должна была случиться.

08:50

– Не верьте тому, кто говорит, что всё во спасение! Это провокация и фуфло! – срываясь на хриплый фальцет, тараторил Сантьяго, опустившись на колени перед генератором.

Народ виновато рассматривал траву, будто то, что было им нужно, потерялось именно там.

– Где оно, я спрашиваю? – кричал Сеня Сантьяго. – Суета суёт, я больше не могу!

– Су-ет, – тихо поправил его Солнце.

– Что?

– «Суета суёт», по идее. Это из Екклесиаста, если я правильно тебя понял.

– Антошенька, поверь, в данный момент она действительно су-ёт.

Остальная братва тихо курила. Закурить потянулся вместе со всеми и Гера. Привычно вытряхнув папиросу на ладонь, он отвлёкся от созерцания небесного эфира и посмотрел туда, где папироса задела пальцы, а рядом с ней ещё что-то коснулось ладони.

– Г! – гыкнул он.

Народ посмотрел на Хартбрейкера. Тот сжимал пальцами какой-то лоскуток и старательно показывал его друзьям.

– Г! – повторил Гера и махнул ладонью куда-то вдаль.

Сантьяго ненадолго замер, присматриваясь, а потом в отчаянии мотнул кудрями.

– Гера, дорогой! – крикнул он. – Ещё ты тут.

Сантьяго бросил окурок и в два шага преодолел поляну.

– Бабочка что ли? – шурясь, простонал Сеня.

Народ стал подходить к Гере, разглядывая матовое васильковое крылышко с тонким зигзагообразным кантиком почти по самому краю.

– Крыло, походу, – предположил кто-то.

Гера нахмурился, а потом громко прогудел, показывая на машину:

– Жах!

Сантьяго понимающе кивнул:

– Да уж, точнее и не скажешь, и даже Писание цитировать не надо.

Он развернулся к народу и чуть ли не воздел руки к небу:

– Так, братва, положение наше таково, что сейчас мы хором должны включить голову и вспомнить: у кого есть в гараже какие-нибудь детали, какие-нибудь старые запчасти и прочие артефакты славных эпох.

Народ задумчиво зачесал подбородки.

– Жа-ах! – ещё громче крикнул Гера.

– Гера, я люблю тебя, люблю гетеросексуально, как брат любит брата, как друг – друга, как солдат – солдата, как спартанец – спартанца... Хотя нет, это плохая аналогия. Короче, люблю я тебя и как могу понимаю, но тебе надо поработать над своим словарным запасом. Согласен, весь этот фарш трудно выразить словами: волнения в братской славянской республике; грядущий конец света, согласно календарю майя; анархистов вон без суда и следствия сажают; жизнь не сахар, мир сходит с ума, и мы не отстаём, но это, – Сантьяго ударил по генератору, тот отозвался мелодическим утробным «бам», – просто волшебная подлянка. Однако пополняй вокабулярий, я тебя прошу. Хотя бы потому что после смерти придётся за свои грехи отвечать, а тут уж междометиями не обойдёшься. Я вот сегодня выучил слово «бензонасос». На всю жизнь его запомню, а после смерти попаду в рай и у меня будет собственная бензонасосная фабрика, ибо Господь наш милостив!

Речь возымела эффект. Народ с серьёзными, ответственными лицами слушал Сантьяго. А тот присел на корточки, нахмурился и опять принялся разглядывать генератор. За массивным баком, примерно там, где Гера недавно нашёл крылышко, торчали две промасленные трубки. Увидев их, Сантьяго досадливо причмокнул губами и горемычно покачал головой. Некогда эти трубки соединял маленький мускулистый механизм – бензонасос. Всего несколько минут братва пыталась запустить динамо. Но безуспешно. Хотя на прошлой неделе бензонасос проверяли и всё работало изумительно.

Сантьяго погладил бак генератора, на котором под государственным знаком качества «Сделано в СССР» красовалась надпись «ЗУ-2», и почти шёпотом проговорил:

– Нет какого-то сраного маленького бензонасоса. И сразу твоя гора геморроя. Столько стараний, столько трудов – и всё псу под хер.

– Да ладно, это почти ничего не значит. В масштабах Вселенной, – улыбнулся Антоша Солнце.

– Ну здравствуйте! Разумничались, бля: Екклесиаст, Вселенная. Во-первых, начнём с того, что в масштабах твоей сраной Вселенной праздник Солнцестояния кое-что да значит. Мы тут на Земле просто обязаны врубить сегодня священное техно во имя матушки-земли, пока она нас не стряхнула с себя, как клопов.

Сантьяго дирижировал себе рукой, кудри его тряслись, как пружины.

– А во-вторых? – не переставая улыбаться, спросил Солнце.

– Да что «во-вторых»? Фиг бы с ним, с вашим техно вообще! Но если праздника не будет, тогда...

Однако он не успел договорить. Кусты на краю поляны раздвинулись, и к бригаде шагнул высокий, худой, как узбекский дутар, человек. В руках он держал огромную связку кислицы, пучок поменьше выглядывал из кармана его жилетки, а один стебелёк торчал в его белых, больших и ровных, как клавиши пианино, зубах. И улыбался этот человек так, будто бы иного выражения лица не предусмотрено строением его необыкновенного черепа.

Сантьяго как мог задумался и посмотрел на человека с интересом – будто впервые его видел.

10:07

И вот прошло чуть больше часа, и этот человек уже стоял передо мной посреди городского проспекта, пожёвывая свою кислицу и, как всегда, улыбаясь. Зовут его Нат. Месяц назад возле дверей клуба мы вот так же стояли друг напротив друга. Такси ждало меня, оно светило фарами, и я отлично помню, что Нат вот точно так же улыбался. Потому что Нат никогда не умел делать по-другому. Даже несмотря на то, что иногда причин улыбаться не было совсем.

Я спросил у него: «Как дела?» и закурил. Мы не виделись с того самого вечера. Мне бы побыстрее узнать, как у него там эти дела, и двигать туда, где меня уже шесть минут как ждут.

– Будешь кислицу? – спросил он в ответ и протянул мне несколько влажных стебельков.

09:45

– У него не получится. Он же святой, – отпив из канистры стирателя, прокряхтел Сантьяго.

Он заметался по поляне, кого-то выискивая, и, всё-таки отыскав могучую фигуру за сосной неподалёку, проорал:

– По коням!

Гера послушно вылез из-за сосны, на ходу застёгивая ширинку.

Антоша Солнце тем временем раскладывал свой винил по боксам, устанавливал на небольшой столик вертаки и, тихо улыбаясь, поглядывал на тонкий плед, расстеленный на траве. На пледе неизвестный художник изобразил каноничный, народно любимый сюжет – искушение Будды. Тихо медитирующий Гаутама был в миге от просветления и потому не открывал глаза и не смотрел на всё то, что творилось вокруг. Не смотрел он даже на соблазнительных дев, дочерей кровожадного демона Мара.

Гера, тоже поглядев на эту картину, подумал о чём-то своём и завел мотор. Сантьяго тут же плюхнулся на пассажирское, но, что-то вспомнив, выбежал на поляну, захватил канистру со стирателем и, вернувшись в машину, махнул рулевому.

10:11

Представьте себе около сотни людей всех возрастов, занятий и полов, собравшихся ночью в лесу. Представьте много неона и светодиодов. И молодое мясо, источающее терпкий мускус, исчезает и появляется во вспышках стробоскопов. Музыка – преимущественно техно, в перерывах – классика психоделики шестидесятых проходит сквозь тела, разбивается о сосны в лесу, тонет в ночи. Всё-всё это, слившееся в единый организм, или, лучше сказать, в машину, гремит, играет, бормочет, потеет, вдыхает и выдыхает дым, потом искрит или, напротив, ловит бэд, а после, на рассвете, срывается в панельные дома, где до полудня эякулирует, пока наконец не валится от усталости и похмелья в объятия друг друга. Мускус не чувствуется в еловом лесу, наполненном другими запахами – запахами природной плаценты, запахами протоплазмы, терпким или сладким дымом.

Всё это превращается в единую машину ночи, но только при одном условии: если работает её сердце – мощный армейский генератор «ЗУ-2». Если нет – то ничего и нет. Что же может жить без сердца?

– Вот, – подытожил Нат.

– У них же на протяжении трёх лет этот генератор исправно робил, что ж такое? – я курил уже третью, не в силах остановиться.

Нат улыбнулся ещё шире, тихо помолчал и ответил:

– Сушая мелочь. Её нужно отыскать. Вот.

Он всегда произносил это «вот» с длинной «у» посередине. Получалось забавно, потому что было больше похоже на вопрос, заданный на британском английском с каким-нибудь там манчестерским выговором: «во-у-у-т».

– Ну ладно, – ответил я, докуривая, – удачи в поисках.

А сам нажал на педаль велика и медленно покатился. Там, в квартире на Олимпийской, уже доиграл до конца великий трек Born Slippy, о чём вы?

– Вообще-то... – услышал я сквозь шелест колёс, – я за тобой. Нам без тебя не справиться.

Это ещё почему? Все в городе знают, что другого настолько рукожопого человека, как я, не найти. И такого же равнодушного к технике во всём её многообразном виде. Из всего, что имеет греческий корень «техно», я люблю, собственно говоря, только само техно. А в последнее время так только тот момент, когда оно, это техно, затихает.

– Дядюшка Коршун, – сказал Нат, чуть покашляв. Но я ещё раз нажал на педаль. Конец связи! Ещё чего придумали.

Впереди – долгий летний день, пропахший потом и другими жидкостями. Грязный обдолбанный мальчик-ангел, дёти дамб энжел бой.

10:15

Давно замечено, что в самом начале лета трагедии куда больше, чем, например, во время золотой осени, когда деревья грустно скидывают свою листву и всё такое прочее. Там не то чтобы тоска увядания, там ты уже смирился с неизбежностью и просто спокойно себе катишься в зиму. А вот в начале лета листва и тепло насильственно заставляют недоумевать и чувствовать себя неловко, будто бы ты этого не заслужил. Ты ещё совсем не освоился и ходишь в лете как по чужой незнакомой квартире, в которой проснулся одним утром с похмелья. А лето ведь не квартира, оно не ждёт – и катится, и уходит с каждой минутой.

Вот так я и использую свои летние дни – не действую. Я трачу время на любовь и ожидание любви. На персональные техно-хиты и короткие поездки на велике, на сумерки, на разную другую ерунду. Но даже этим мне не дают заняться, как будто это роскошь несусветная, доставшаяся мне несправедливо и не по праву. Мой единственный выход – безропотно просрать это лето, как и почти с десяток других за спиной и бог весть сколько впереди.

Короче, дальше всё было довольно предсказуемо в общей логике событий, но весьма неожиданно для меня в тот момент. Только я прощаюсь с Натом, нажимаю на педаль и весело качусь по разбитому асфальту с влажными тёмными прожилками трещин, короче, еду туда, где меня ждёт маленькая женщина с чёрными кудрями и сильными бледными ногами, только я успеваю выдохнуть и расслабиться, как путь мне преграждает ржаво-баклажановый автомобиль марки «жигули двадцать один ноль пять». За рулём, пыхая папиросой «беломор», улыбается красавец и здоровяк Хартбрейкер Гера.

Чёрной молнией устремляется ко мне с пассажирского Сеня Сантьяго. Пока он произносит всё ниженаписанное, я с велосипедом ещё не успеваю потерять равновесие и завалиться направо или налево. Итак, Сантьяго тараторит:

– Стопэ! Слезаем. Бросай это. Далее по планам – пересадка на транспорт посерьёзнее. Ты нам нужен. Нужен всему человечеству! Как в том фильме!

– В каком «том фильме»?

– Да хоть бы и про терминатора.

Гера в этот момент нажимает пару раз на гашетку. Машинка, стоя на месте, довольно урчит.

Наконец я потерял равновесие и коснулся правой ногой асфальта. Что-то подсказало мне: «Это проигрыш».

– Самый длинный день в году и самая короткая ночь – от этого никуда не деться, амиго. Есть законы, которые невозможно обойти.

Сантьяго вальяжно махнул кистью, и мой велосипед плавно взмыл в воздух. Он проплыл сквозь древний дым папиросы и отправился в багажник жигуля. Из сизовато-жёлтого облака улыбнулся Гера.

– Я знал, что он, – Сантьяго замахал в сторону Ната, – не справится, поэтому пришёл на подмогу. Ты нужен нам как никто. Без тебя не будет летнего Солнцестояния, ты ведь этого не допустишь?

– Сантьяго, дорогой, – умоляюще проскулил я, доставая велик из нутра багажника. – Я бы рад помочь...

– Да мы сами себе не можем помочь, ты о чём? Нам уже никто не поможет.

– Вот тем более. Где вы его посеяли, этот бензонасос? – спросил я в достойном отчаянии.

– Гера?

– Ф, – махнул Гера куда-то в сторону гор.

– Вон там и ищите.

Гера одной рукой, легко и непринуждённо, но безумно крепко сжал мой велик ровно посередине руля. Бросив попытки освободить своего коня, я кинулся к багажнику и начал там рыться:

– В багажнике! Бензонасос улетел в багажник, надо поискать.

Но внутри я обнаружил только чулок, канистру масла, водный бульбулятор, весь в зеленоющей саже, рассыпанные зубочистки, наклейки с Power Rangers. Неуловимый запах бензина свидетельствовал о недавнем наличии внутри багажника бензогенератора.

Достойное отчаяние закончилось. Я посмотрел на Сантьяго. Он плотоядно и дружелюбно улыбнулся:

– Мы же только туда и обратно. Вот прям как хоббиты. Едем до Печек, потом забросим тебя прям сюда же. Слово мужика.

Я промолчал.

– Окей, так и быть, клянусь своей честью! – Сантьяго поднял руки к небу.

– Да было бы чем клясться, – ответил я и кинулся к велосипеду, – но сегодня у меня дела.

– Не думай о дне сегодняшнем, день сегодняшний сам о себе уже позаботился, – кивнул Сантьяго Хартбрейкеру.

Гера схватил руль.

– Можно я своим ходом? – спросил я на всякий случай.

– Извольте всё же? – с неподдельной вежливостью спросил Сантьяго и тряхнул кудрями в сторону машины.

Он распахнул ржаво-баклажановую дверь с грязными подтёками вниз. Я уже хотел сделать шаг к машине, но тут за моей спиной дверьми клацнул рыже-зелёный троллейбус. Улыбнувшись своим мыслям, я сделал маленький шажок назад, затем два шага побольше, потом развернулся, прыгнул и оказался в пузе троллейбуса. Тот, лениво толкаясь, снова клацнул дверьми. Теперь уже прямо перед носом Геры и Сантьяго. Съели?

Выдыхая, я отдал за проезд ханурой кондукторше. Тут с яростной вибрацией что-то впилося мне в ляжку. Спокойно, всего лишь телефон. Она. Трек Born Slippy доиграл до конца. Впервые.

– Задержался... – начал было я.

– Мне только что звонил Сеня Сантьяго. Он тусовку устраивает сегодня. Ты что-нибудь о ней знал?

– Так, что-то слышал.

– Последнее платье ты мне порвал. Поэтому я в магазин.

– В магазин?

– Ну да, или ты прикажешь мне пойти в лес в том самом наряде, в котором я тебя встречаю?

Я только пожал плечами и глянул за окно. На соседней полосе показались жигули двадцать один ноль пять. Переднее пассажирское стекло было опущено. Саня Сантьяго улыбался мне. В вытянутой руке он держал телефон-раскладушку. Махнув в воздухе мобилой, он сложил её пополам. И хотя за стеклом троллейбуса слышно не было, я знал – закрываясь, раскладушка лязгнула, словно небольшая гильотина.

– После магазина заодно и брата пораньше заберу, мне его к тёте ещё вести. Да и вообще, Солнцестояние – классный повод повидать всех наших. Перед отъездом. Увидимся вечером.

Сначала тишина повисла в трубке, потом – в троллейбусе. Пузатый встал на остановке и лениво раскрыл гармошки дверей.

На остановке Сантьяго, опершись на кузов жигулей, с папиросой во рту, в своих чёрных кудрях смотрелся латиносом-гэнгстой, который прекратил убивать, потому что ударился в религию и в этой своей религиозности стал не менее яростным. Сложив руки на груди, он поглядывал, как я с позором вытекаю из троллейбуса.

– Куда она собралась? Какой отъезд? – спросил я, глядя рассеяннo на парней.

Сеня только выдохнул дым ноздрями.

– Любoй, кто помогает семье, делает это по своей воле. С чистым сердцем. Это золотое правило. Именно поэтому семья никогда не забывает своего благодетеля.

Я немного очухался и выкинул кулак, чтобы ударить Сантьяго в худосочный живот, но затормозил ровно за сантиметр от его живота. Согнувшись в рефлексе, он уронил папиросу на асфальт.

– Уходить пока не время, – пожёвывая оставшийся стебелёк кислицы, мягко сказал мне Нат, когда я недовольно уселся на заднее сиденье.

– Как понимать не время? – отпив стирателя, повернулся к нему с переднего пассажирского Сантьяго.

– Вот прям чую, что ничем хорошим это не закончится, – как можно более сердито ответил я и почти даже хлопнул ржаво-баклажановой дверью.

10:45

Всю дорогу Сантьяго хлестал из пятилитровой пластиковой бутылки стиратель. Заедал он его сначала кислицей, а когда она кончилась – огромным лимоном, который хранился в пыльном бардачке жигулей. От жизни такой и я пару раз приложился к пятилитрушке.

Мы проехали весь город и покатались по ровной лесной дороге. Сразу за лесом лежала деревня Печки, а чуть дальше текла река Ильменка, за которой и жил мой дядюшка, прозванный пацанами дядюшкой Коршуном. Именно так его за глаза и называли – дядюшка Коршун.

Добраться до домика дядюшки – дело нетрудное. Встал на навесной хлипкий мостик, три минуты страха, и ты на месте. Вот только мост по весне то и дело смывало. Был и другой вариант: дать доброго крюка и, переехав Ильменку по дамбе в десятке километров от Печек, прошагать ещё дюжину вёрст по лесу. Так уж вышло, что я не любитель путешествий и приключений, потому с дядюшкой виделись мы нечасто.

Самого же его трудности – такие, как, например, отсутствие моста – не пугали ничуть. Ходили слухи, что дамам дядюшки ну очень нравилась вся эта романтика, и дамы ходили – или, может, плавали брассом? – к дядюшке в великом множестве. Он всегда был охоч до женщин, и с самого детства я пускал слюни на его спутниц, с которыми он изредка заходил к нам в гости.

В целом дядюшка был хорошим, толковым мужиком, но с таким сложным и тяжёлым характером, будто бы его, этот характер, отмачивали в солярке. Прошлым летом мы тоже ездили к нему, отвозили на починку диффузоры от колонок. Я согласился этим утыркам помочь, и дядя всё сделал как надо, даже денег с парней не взял. Могло бы закончиться это дело хорошо, я тогда уже стоял на пороге, мечтая о том, как сейчас пойду и потусуюсь с братвой, но дядя оставил меня и заставил наводить в гараже порядок. Видать, я быстро управился, потому что дядюшка устроил мне марш-бросок до южной части города, а потом заставил отжиматься и подтягиваться на скорость. И это в то время, пока эти уроды спокойно себе отплясывали под гоа-транс в еловом лесу, попивая стиратель и покуривая марихуану. Вот поэтому ехать я и не хотел, ведь спорт, как, впрочем, и уборку в гараже, я с тех пор не полюбил, да и планы у меня сегодня были совершенно другие.

Я, конечно, любил своего дядюшку, любил с детства, но никогда – по принуждению.

Вообще, он принадлежал к особой породе людей, которые прошли через все мыслимые и немыслимые домны ада, но вернулись почти полностью живыми и, во всяком случае внешне, – невредимыми. Всё у них было на местах, согласно номенклатуре, сообразно анатомическому атласу, но вот нервы, нервы порой сдавали. Выражал дядюшка своё негодование исключительно на вербальном уровне. Это был тот мастер боевых искусств, который никогда не применяет свои смертоносные навыки. Подозреваю, что подобная сверхспособность была дана ему как награда за все мучения. За его спиной была десятилетняя служба на подлодке, какие-то контрактные военные дела в Алжире и, конечно же, Первая чеченская. После всего этого дядюшка не потух, блеск его светло-голубых – нет, лазоревых! – глаз стал ещё ярче, чем в молодости.

С подросткового возраста и до прошлого года я работал у него на заводе. Он там трудился бригадиром. Завод занимался переработкой вторичного металла. Красивый и даже немного поэтичный термин «вторичный металл» подразумевал, что разного рода фонащие гамма-лучами гнилые железяки привозили сюда со всей бывшей империи, а мы с бригадой в этом говне радостно копались за 30 рублей в час. Вагоны грязных микросхем, фуры внутренностей межконтинентальных ракет, подводные лодки, списанные допотопные компьютеры, ржавая оргтехника и даже киноплёнка – всё это разбиралось, раскурочивалось, пускалось в громадные жернова и перемалывалось в разномастную крупу, которую потом увозили на переработку. Одно время даже Сантьяго с Герой там трудились, правда, без особого энтузиазма и спеси, на полкарасика. Славное время было, правда, потом кто-то спёр с завода какой-то аппарат, не то компрессор, не то трансформатор какой – всё свалили на дядюшку, и он со скандалом уволился.

Однако же не унывал. Дядюшка что-то вечно мастерил в своём гараже, где было столько разного барахла, что один музей в Италии даже хотел купить какие-то фрагменты механизмов для своей экспозиции.

Высушенный, как свежий суджук, одна сплошная жила – подвижный, с чуть жадным взглядом своих лазоревых глаз, расположенных по разные стороны длинного крючковатого носа, он действительно напоминал какую-то хищную птицу. Почему-то мы решили, что коршуна. Ясно было одно: коршун этот не из тех, что гордо реет над долиной, поджидая какого-нибудь жалкого суслика, а – понюхавший порошу, но не потерявший своего истинного достоинства старый коршун, который, только дождавшись отдыха буйвола, неспешно спускается ему на лоб и метким движением клюва выбивает животному горячий, сладкий глаз.

Так что – да, я люблю своего дядюшку, однако вся эта затея казалась мне чрезвычайно несвоевременной и тупой. Утром я ехал туда, где лилось молоко и мёд, а теперь меня ждёт пыль гаража и запах мазута вперемешку с запахом собственного пота.

После указателя на Печки Гера свернул. Тут надо бы описать пейзаж. Ну там, как красив, таинственен и прекрасен уральский лес смешанного типа, когда он лежит у подножий гор и холмов, как он манит заглянуть в него, пройти по его свежим тропам и так далее, как здорово собрать лукошко грибов или ягод, или – просто остановиться на опушке и пописать на ближайшую берёзу. Как мироточивы сосны, как лес в июне благоухает своей свежестью и молодостью, хотя он такой древний, о да, такой древний и могучий... Но фигово мне даются пейзажи. Поэтому я вернусь в машину и расскажу о пассажирах, тем более о них уже кое-что известно.

За рулем Гера, которого иногда называют Хартбрейкер. Здоровый мужик, реально здоровый, с небольшой бородой и густыми тёмными волосами чуть ниже плеч. Как уже понятно из вышеизложенного, Гера не особенно любит поговорить. Он вообще обладает свойством полнейшей незаметности, несмотря на свои размеры. Тишайший человек, во всех смыслах. Однако ж поговаривают, что один раз Гера чуть не навалил Сантьяго. За что – неизвестно, история умалчивает. Но кто из нас не хотел бы навалить Сантьяго?

Сантьяго. Руководитель драм-н-бейс и дип-техно картелей, местный капореджиме электроклана, спекулянт, провокатор, антрепренёр, фармазонщик. В XIX веке Сантьяго владел бы цирком уродов, бил бы кнутом карликов и бородатых женщин, нещадно бы их эксплуатировал и ещё более нещадно бы пил. Но теперь другие времена и в моде электронная музыка, а не уроды, женщины же повсеместно бреются. Несмотря на собственные сомнительные моральные качества, Сантьяго имел безупречное чутьё на людей, и поэтому на его вечеринках всегда было всё по-доброму. Делал исключение он только для стрёмного барыги, который фасовал плохие вещи, это я про Сгуху. Но тут Сеня молодец – выбрал меньшее из зол. Сантьяго умел искать компромиссы, даже в самых деликатных делах, при этом всё-таки иногда беспощадно бесил (см. историю с Герой). На что жил Сантьяго после увольнения с завода, никому не было известно. Он говорил, что не работает из религиозных побуждений, «потому что харам». При этом его отец был пастором протестантского прихода. Но противоречий здесь не было, просто примите это как данность.

Нат. У Ната абсолютный слух, он умел играть на всех инструментах, и это притом, что из музыкальной школы его выгнали почти сразу же. Произошло это после того, как ночью он вскрыл окно музыкалки и вытащил оттуда геликон. Пропажу, помнится, обнаружили наутро, но следов Ната не нашли. Он мог бы и не спалиться, если бы не поддался соблазну и не играл бы на этом геликоне утром, днём, вечером и даже по ночам. Ну на что он рассчитывал? Конечно, его быстренько схватили. Из милиции добрая директриса музыкалки заявление забрала, потому что знала: украл он дудку не для продажи, а в свое пользование. Нат как бы баловался, играя на всех этих ситарах и гуслях, волынках, сопелках, всех этих казу, джембе и диджериду, вотерфонах, удах и кастаньетах. От него были без ума многие женщины, но он, в отличие от Геры Хартбрейкера, как будто бы ими не интересовался, предпочитая уделять вни-

мание чтению художественной литературы, просмотру итальянского неореализма и, конечно, музыке. В общем, не было у него женщины. Кроме одной. Но однажды и это закончилось...

Однако я отвлёкся от темы.

Ну, обо мне, последнем пассажире, и говорить нечего. Если я и обладаю какими-то выразительными качествами или достоинствами, то все они целиком и полностью перекрываются недостатками: прежде всего воли. Ленив и спокоен, воодушевлён в меру, тусовки люблю тоже в меру (в последнее время не люблю совсем).

Вот и закончился лесной пейзаж за окном, а вместе с ним – пассажиры старенького ржаво-баклажанового жигули ноль пять, которое мчалось по полю к реке, чтобы найти на том берегу потерявшийся бензонасос от бензогенератора.

Всю надежду возлагали на моего любимого дядюшку.

11:14

Сказать, что мы обрадовались – ничего не сказать. Ильменка радостно плескалась прямо перед нами. Я даже видел карасей и ротанов, которые играли в её водах. Дом дядюшки Коршуна виднелся за небольшим холмом на том берегу. Это совсем близко, так что радости нашей не было предела. Её несколько омрачало одно лишь почти незначительное обстоятельство – отсутствие какого бы то ни было моста или иной переправы. Мост, собственно говоря...

– ...смыло, – прохрипел дюжий рыжий человек с мясистыми губами и россыпью веснушек по лицу размером с ведро. Такая смелая аналогия пришла на ум мне не случайно, ведь как раз в ведро, которое стояло у этого человека под ногами, он складывал ротанов. Рыбу одну за другой он тянул своим китайским спиннингом из воды. Нерест у ротанов что ли?

Сантьяго посмотрел на быстрину перед нами, на большеротых рыб и вежливо уточнил:

– Что, совсем?

– Раскомандовался мне тут, – рыбак хрипло усмехнулся и без особого интереса оглядел Сантьяго, – если альбатрос летит сракой вперёд, значит, ветер сегодня сильный.

Вместо прежнего висячего моста из берегов на нашей и на противоположной стороне в небо тянулись только ржавые рельсы: два здесь и два там – бывшие пилоны переправы. Множество стальных тросов, некогда державших доски, теперь были оборваны и грустно опущены в воду. И только один-единственный трос связывал два берега. Да и тот беспечно телепался, по большей части в воде, вторя многочисленным водорослям Ильменки. Впервые за минувший час я улыбнулся. Кажется, увижусь я с дядюшкой не сегодня. Как жаль, сил нет.

– И чего, друже, как нам быть? – крикнул рыбаку весьма уже пьяный Сантьяго. После этого он откусил лимон и, подбросив его над головой, попытался пнуть фрукт, пока тот падал. Не получилось. Лимон брякнулся на траву, а Сантьяго чуть потерял равновесие.

– У тебя чего в канистре? – осведомился рыбак.

– Казахский, – улыбнулся Сантьяго и протянул пятилитруху рыжему.

Тот открыл огромный рот и влил в него по меньшей мере одну пятую канистры.

– Вода по оба борта всегда одного сорта, – выдохнул рыбак, а затем снова закинул удочку, шумно выдыхая воздух.

Сантьяго всё это время в нетерпении крутился, играя худосочными желваками. Но рыжий его не замечал, он полностью ушёл в личный спиннинговый дзен – его сознание стало одним большим поплавком на фоне гипнотических водорослей под водой. Я тоже поглядел в воду, но сразу же отвёл взгляд – какие пугающие, пульсирующие водоросли. Сантьяго отыскал упавший лимон, зацепил его краем носка, эффектно подпнул и резким ударом ноги отправил в воду, аккуратно рядом с поплавком рыжего. Водоросли цианового цвета с интересом дотронулись краешком языка до жёлтой корочки, с наслаждением проглотили лимон, а потом довольно облизали губы.

– Вы кто? – вдруг отмер рыбак.

- Мы из налоговой, – ответил Сантьяго.
- К старшему что ли? – рыбак указал подбородком на тот берег.
- К нему, родимому.
- Не платит что ли?
- Чего не платит? – нахмурился Сантьяго.
- Ну налоги. Не платит что ли?
- Это конфиденциальная информация.
- Рыбак пошевелил челюстью и нахмурился.
- Не тронь, что капает, а то потечёт.
- Земеля, нам на тот берег, только и всего. Отблагодарим!

Рыжий покрутил глазами, потом резким движением телескопировал спиннинг обратно, подхватил снасти и отправился к машине. Он тяжело сел на переднее пассажирское, предварительно поставив себе между ног ведро с уловом.

- Трогай! – прохрипел он Гере.

Сантьяго только успел прыгнуть на наше заднее сиденье, и жигули, развернувшись, поехали в сторону деревни Печки.

– И, матросня, называть меня Боцман! Рыбак – это дед твой. Я – Боцман. И вообще, я не понял – вы кто?

Дальше события развивались стремительно и на редкость для уголка, удалённого от кипящего делами города, слаженно. Мы остановились возле чуть покосившегося домика почти на краю улицы. Боцман выпрыгнул из машины, зашёл во двор и изнутри отворил нам ворота. Откуда-то из мрака двора он стал вытаскивать огромные блоки, полностью сделанные из пятилитровых бутылок – точь-в-точь как из-под стирателя, только с белыми крышечками.

Пока мы укладывали панели на крышу автомобиля, пока приматывали их верёвками, из дому тихо выбежали маленькие мальчик и девочка – рыжие и веснушчатые, видимо, в папу. Они уставились на всю эту возню, внимательно изучили нас и прежде всего Ната, а потом юркнули между бутылок к машине. Оттуда они достали ведро с ротанами. У ворот они снова посмотрели на всю заваруху и снова – особенно пристально – на Ната. Тот потянулся в карман жилетки, что-то там нащупал, поймал любопытные взгляды детей, присел на корточки и поманил детвору к себе. Когда они приблизились, Нат открыл ладонь и протянул девочке небольшую керамическую свинюшку. Девочка недоумённо посмотрела на предмет, тогда Нат прикоснулся губами к гузке фигурки и, попеременно закрывая пальцем то левую, то правую ноздрю животного, высвистел тихую, шуршащую мелодию. Девочка засияла, схватила подарок и шмыгнула в дом, за ней погнался брат.

На обратном пути Боцман нашёл в своём плаще аудиокассету и засунул её в разбитую ветхозаветную автомагнитолу. Заиграло что-то из 80-х, кажется – Careless Whisper Джорджа Майкла. Слушая вкрадчивый, чувственный саксофонный проигрыш, я вдруг вспомнил, что дядюшка Коршун научил меня одной важной вещи, он научил меня одной фразе, даже заклинанию. Это заклинание он применял каждый раз, когда понимал, что количество прикладываемого усилия никак не соответствует результату. Эта фраза – приговор. Под этим грифом любая вещь или схема делаются бесполезными настолько, что недостойны больше никакого осмысления. Теперь каждый раз, когда меня посещает неловкая догадка о несурзности всего происходящего, ну, например, когда я еду под Джорджа Майкла по просёлочной дороге на машине, гружённой пустыми пятилитровыми бутылками, мне является мой личный супергерой – дядюшка Коршун. Он цедит сквозь зубы своё любимое: «Суходрох левой рукой». Это почти метафизический термин, закрепляющий за вещью её полную и абсолютную ненужность, онтологическую неукоренённость. И вот что-то такое сейчас крутилось на языке...

Мы остановились возле берега.

– Я пока делом занят, кассету высуни. Это дядьёв моих, – буркнул Боцман и стал выбираться.

Вот, не я один люблю своего дядю.

Боцман скинул плащ и зашевелился, отцепляя бутылки с багажника. Через несколько минут перед нами стоял настоящий плот, собранный исключительно из пятилитровых. Чудеса.

– Ну что, поехали? – спросил Сантьяго.

– Встать на перекличку, – прохрипел Боцман, взвалил на себя конструкцию и побрёл к воде.

11:35

– Эй, Боцман! – крикнул ему вслед Сантьяго. – Ты как вообще, умеешь править этим своим судном-то? Ты на нем плавал?

– Ходил, – буркнул себе под нос Боцман.

– Куда ты там ходил?

– Боцманы не плавают, а ходят. Я – Боцман.

Я снова посмотрел на здоровенный плот, собранный исключительно из пятилитровых. Боцман суетливо тащил его к воде. Пару раз он запнулся и чуть не грохнулся. Гера задумчиво чесал бороду, Нат, как обычно, любовался природой, а Сантьяго горел от нетерпения, поэтому семеня за Боцманом.

Я перерезал путь Сантьяго и, приблизившись к нему вплотную, сказал:

– Сеня, мы так не договаривались.

Он остановился.

– Я на этом говне не поплыву. Это фарш, это ж какие-то психоделические очумелые ручки. Давайте найдём кого-то с нормальной лодкой.

Боцман тем временем дотащил плот к самому краю воды.

– Дорогой мой, мы туда и обратно, – добродушно ответил Сантьяго, махнув в сторону домика дядюшки Коршуна, – дольше обсуждаем.

– Сантьяго, ты не падал? Это же гора мусора. Ты смотри, какое течение! Рыжий сегодня нас ротанам скормит.

Сантьяго посмотрел в сторону Ильменки так, как смотрят на какое-нибудь досадное недоразумение, вроде разлитого на пол пива.

– Да перестань. Нас там ждут! Всем хочется музыки.

– Да мне плевать.

– Столько людей хотят Солнцестояния, что за саботаж?

– Да мне срать просто.

– Совсем от коллектива откололся, совсем пал в разврат.

– Кто бы говорил!

– Ну а как это ещё назвать? Давай завязывай. Туда и обратно, ни в падлу.

– Сеня. Я никогда и ни за что не поверю, что ты затеваешь это только ради музыки, танцев и веселья. И я никуда не поплыву.

Сантьяго резко сменил улыбку на кривую ухмылку.

– Значит так, да? – будто бы осторожно спросил он.

Я помедлил. На всякий случай ещё раз посмотрел на плот.

– Значит, так.

Он сделал шаг в сторону машины.

– Уверен? Все узнают, что ты зассал пойти на подвиг ради двух сотен братушек и сестричек, которые сегодня уйдут с поляны несолоно хлебавши. Без музыки, на ногах, не ведающих усталости. А когда Сгуха припрёт товар, когда распродаст его народонаселению, считай,

всё – привет. Карачун. Ты, лично ты будешь повинен в массовых беспорядках, в этой городской герилье. Никто из них не получит своей дозы музыкального экстаза, и две сотни людей с огромными глазами – вот такими вот! – вбегут в город и будут поджигать, грабить, чинить беспредел. Они будут разбивать на улицах машины, чтобы только добраться до проигрывателя и включить его. И они будут громить витрины социальных магазинов и аптек, будут переворачивать авто одну за другой до тех пор, пока не найдут хоть что-нибудь похожее на техно. А техно они не найдут ни в одной машине в этом городе, они не найдут его в магазинах и аптеках, потому что ни одна машина, ни одна аптека, ни один социальный магазин в этом городе не имеет винилового проигрывателя. Плотоядные зомби выйдут на улицы твоего родного города. И в этом будешь виноват ты! Ты увидишь разруху, увидишь этот Армагеддон в отдельно взятом городе и будешь проклинать себя и посыпать голову пеплом. Но только будет уже слишком поздно! А ведь тебе всего лишь надо сплавать с нами на тот берег и забрать бензонасос. Одна маленькая деталь, чтобы спасти то единственное святое, что у нас есть! Единственное святое, святая всех святых! От тебя требуется только попросить у своего дядюшки маленький насос!

Народ молчал. Даже Ильменка притихла своими водами. Водоросли беспечно, будто не при делах, танцевали в быстрине.

– Иди на хер, – сказал я и направился к машине.

Сантьяго устало плюхнулся на траву, поднял голову к небу и прогудел:

– О, ну почему же всегда всё именно так? Почему для достижения всеобщего благоденствия не хватает всегда какой-нибудь одной детали? Какой-нибудь ерунды? Какой-то страной, маленькой пиздюлины? Гори оно всё, никого здесь уже не спасти!

Гера уже стал искать в кармане ключи, когда Боцман вдруг резко повернулся и пробубнил:

– Не спасти... Захарика?

– Чего? – раздражённо прикрикнул Сантьяго.

– Захарик. На площади! – промычал Боцман.

– На площади Захарик, на площади, – согласился Сантьяго и с недоверием посмотрел на Боцмана. Тот глазел на нас как на слизь, а глаза его вдруг стали наливаться мутным лиловым цветом.

Тут надо бы взять тайм-аут и сделать важное уточнение, иначе смысл происходящего дальше будет для непросвещённых не совсем понятен. Дело в том, что на площади в нашем городе стоит памятник первой машине, сошедшей с конвейера нашего автомобильного завода. «Захарик» – так ласково называют машину горожане. Её уважают и относятся к ней почти как к святыне. Ей даже приписывают разную мистику. Мы в это не верили, однако считалось оскорбительным проявлять хоть какую-то неконвенциональную активность рядом с Захариком. Рассказывали, например, про парней, которые решили пописать на газоне рядом с памятником, а под их струями вдруг оказался оголённый кабель. Или про беднягу, который раскурился рядом с Захариком, и у него случился тяжелейший трип – он увидел солдата времени Второй мировой с простреленной головой, который просил передать послание любимой девушке. Сама по себе история не впечатляет, с кем не бывает, но ведь на следующее утро, в страшной паранойе, он пошёл по указанному адресу и нашёл глубокую старушку, которая в молодости была санитаркой на фронте. Парниша рассказал бабушке всё, что слышал накануне от солдатики. Бабушке пришлось вызывать скорую. Короче, Захарик был чем-то сакральным для всех. Даже пиво нельзя было пить под его сенью. А тут вот, по версии Сантьяго, его собирается разбить толпа отпиленных любителей техно. Попыток манипулировать мной грубее я в жизни не встречал.

Однако глаза Боцмана всё наливались и наливались лиловым, и я видел, как Сантьяго всё больше и больше напрягается. Наконец, стало вполне заметно, что он чуть ли не ссытся со страху, глядя на свирепеющего Боцмана.

– Захарика?.. – почти плакал, весь сотрясаясь, Боцман.

– Гера! – оглушительно заорал Сантьяго, вдруг оказавшись на заднем сиденье. – Рвём! Гера не без труда завёл машину.

– Стоять! – громче двигателя взревел Боцман и за долю секунды пересёк поляну.

Огромной тенью он метнулся в мою сторону. Громадная, мощная лапа застила мне взгляд. В ушах просвистел воздух. Когда я пришёл в себя, то почувствовал, как вишу в воздухе, а мой череп и ляжку озверело сжимают свирепые пальцы Боцмана, предназначенные вовсе не для этого, а для того, чтобы держать в руках штурвал и отвоёвывать право жизни у жестоких, яростных штормовых волн, чтобы ласкать престарелых блудниц портовых городов, чтобы трепать ими густые струи грозного Аквилона, – в общем, для задач посерьёзней и помасштабней.

– Пойдёшь в рейс! Спасти Захарика! Насос для Захарика! Отдать швартовы!

Тут Боцман поскользнулся. К счастью, он уже стоял одной ногой в воде. Я плюхнулся в прохладную Ильменку и тут же, изрядно хлебнув из неё, повинувшись инстинкту дайвера, задыхаясь, взобрался на плот у берега.

Парни – Нат и Сантьяго – радостно подскочили и взобрались на эту конструкцию за мной.

– Насос для Захарика! Якорь под клюзом! – кричал Боцман. Он тоже наконец вскочил на плот, одной рукой держа спиннинг.

Сантьяго схватился за трос – единственную ниточку, связывающую берега Ильменки. Боцман, встав во весь рост, растелескопировал спиннинг и стал ловко толкать им дно.

– Держать двенадцать часов! – кричал Боцман. – Скорость три узла! Отводи! Прямо руль! Спасти Захарика!

Мы рывками двигались поперёк реки, а я смотрел, как голубовато-салатовые водоросли танцуют под пластиковым бортом.

Но примерно на середине рулевой Сантьяго встал, как вкопанный. Видимо, холодная вода, свободно проходившая между бутылок, отрезвила его. Он завертел глазами и левой рукой стал колошматить себя по ляжкам.

– Тапки! – крикнул он куда-то в воду.

Я подумал, что он увидел в воде чьи-то тапки, и стал смотреть в волны, но, конечно, никаких тапок там и в помине не было. Сантьяго истошно закричал и согнулся до самой воды.

– Мои тапки! – вдруг перешёл он на смех.

Я на всякий случай посмотрел на его ступни, но они как были в кроссовках, так и остались.левой рукой Сантьяго стал нащупывать что-то в кармане и вдруг вытащил пакетик-зип. В нём лежали три синие таблетки.

– Тапки, – зарыдал Сантьяго, – мои тапки!

Сантьяго тряс пакетиком у нас над головой. Когда он в следующий раз, уже с гневом сказал «тапки!», то принялся одной рукой открывать пакетик, а второй стал помогать. Трос при этом он, конечно же, отпустил.

Лёгкий плот, нагруженный тяжёлыми мужчинами, потеряв направляющую, завернулся сначала вправо, затем влево и метнулся вниз по водам Ильменки.

Равновесие было потеряно, и самый тяжёлый из нас – Боцман – стал терять былую уверенность и пластику венецианского гондольера, несмотря на опьянение ему всё-таки, в некоторой степени, присущую. Боцман вдавил плот под себя и, недолго пробалансировав, плюхнулся в воду. Наше судно теперь качнулось в другую сторону, и без лишних усилий воды Ильменки смыли и меня.

Лабиринты стен. Лабиринты ведут через кусты жимолости, роняющей первые слезы. По солёной от жары почве растекается жирная яблоневая смола. Слышен смех из скворечников, повёрнутых на север. Осока жмётся к берегам, склоняется в поисках своего отражения солнце над прудом, в котором никогда никто не жил, кроме ансамбля фиолетовых суккубов. Ледовитый цветник стряхивает берёзовые опилки с висков грядущего века. Динамит. Знобит. Серебрится. Произрастает. Глупо оставить семена здесь, под присмотром низких прово-

дов и почти уничтоженного кариесом тротуара из невероятного змеевика. Валаам. Пиршество. Магниты. Надо было делать что-то. Я наконец вынырнул и, сориентировавшись по краешку дядюшкиного домика, погрёб к берегу. Вдруг силы закончились и нестерпимо захотелось просто дышать. За горло схватила сильнейшая в своей бесполезности обида от невозможности сделать это. Руки вдруг потеряли управление и двумя плетями повисли, собирая водоросли. От страха я успел даже прийти в себя и успокоиться мыслью: «Здесь неглубоко».

Кое-как я повернулся и увидел кудри Сантьяго. Они то появлялись, то исчезали в воде, трепетали где-то ниже по течению. Ещё дальше читалась бравая фигура Ната, оседлавшего плот и вцепившегося в бутылки. Рывками, по сложной геометрической кривой он направлял к берегу. Справа от нас виднелся Боцман – тот стилем «баттерфляй» умело плыл поперёк течения к берегу. Разумеется, как всякий настоящий моряк, к родному берегу.

Когда я увидел его фигуру, выходящую на сушу, то постарался как можно сильнее прокричать, предварительно заглотив как можно больше воздуха. Но лёгкие мои наполнились водой, такой тяжёлой и жгучей.

Нежный, властный мрак закрыл многочисленные пузыри вокруг, закрыл вспышки гнева и радости, шума и ярости. Чистейшее H_2O , обогащённое биологическими элементами, наполнило мои альвеолы и направилось разрушать мою кровь клетку за клеткой. Мою кровь – человеческую, слишком человеческую. Когда клетки жаждали кислорода – О, О, О – кричали они, им упорно отдавали только Н. Аш аш аш! – горели клетки одна за другой. Это то, что нам нужно, говорили они, это первоэлемент, это то, с чего началась жизнь, давай-ка вернёмся, давай вернёмся к началу начал, ты слишком тяжёл в своём скафандре из мяса! Но яростный, страстный пожар разгорался в клетках, не желающих менять спецификацию, предавать идеалы, терять знамя священного O_2 . Синь и стыд.

Фантазмы плоскогорья в рутине облаков. Движение в сторону разрисованных иероглифами вечности ржавых каркасов. Ветреная позолота мгновений. Высохшая аристократическая тропа вверх по склону века. Ярость. Репейник. Анамнез. Зависть. Красный.

А на том берегу

12:00

Гелиотроп. Если произносить это слово вслух громко и уверенно каждое утро, то у вас нормализуется давление, пройдут боли в спине и артрит. Вам даже не надо будет пить сырые яйца, чтобы ваш голос был чист и звонок. Вы можете забыть про проблемы с кишечником. Возможно, у вас даже улучшится потенция. Попробуйте. Просто с завтрашнего утра начните произносить слово «гелиотроп», а если сейчас у вас утро, то прямо сейчас громко, уверенно произнесите слово «гелиотроп». Это не шутка. Это гелиотроп. Связь тут сложная, но если немного задуматься, в принципе, понятно, почему первая вещь, которую я отчётливо вижу на этом берегу – водоросли. Водорослей и вправду больше, чем обычно – целая подушка из речных растений цианового цвета под моей головой. Слишком много, учитывая, что в обыденной жизни я с ними совсем никак не сталкиваюсь, даже морскую капусту не ем.

Дальше по течению пришвартован Нат. Он уже выкинул плот на берег, а сам бежит во весь опор к нам, ко мне и Сантьяго. Тот, согнувшись, лежит в паре шагов от меня. Жалобно всхлипывает, козлиная. Понимает, что впутал нас в это всё, думает, как жить дальше. Впрочем, комментарии излишни.

– Сука, Боцман! – вдруг, как дождевой червь, которого ударило электричеством, выгибается и вскакивает Сантьяго.

Сквозь грохот речных вод его отчаянный вопль всё-таки прорывается на тот берег. Боцман, выжимая шмотки, поднимает голову, – мол, вопросы?

– Ты когда-нибудь рулил этой своей хернёю?

Боцман делает пару шагов в сторону Сантьяго, щурясь, пытаясь уловить, что тот ему кинул. Всё лицо его выражает раздражённое недоумение.

– Твоя херовина когда-нибудь плавала? Ты когда-нибудь управлял этим своим плотом?

Боцман, усмехнувшись, тут же громогласно отвечает:

– Я чё те, больной, по-твоему, плавать на этом? Меня и тут муха не жрёт! И вообще бывает, что соль дороже рыбы!

Сантьяго с размаху садится на жопу, потом поднимает руку, разжимает пальцы и смотрит на прозрачный пакетик-зип с тремя мокрыми таблетками в нём.

– Промокли... – цедит он сквозь зубы.

Сантьяго встаёт и истошно кричит, да так, что Ильменка на время будто бы застывает.

– Гера! Слушай сюда!

Гера, вдумчиво куривший папиросу, поднимает голову и смотрит прямо на Сантьяго. Тот продолжает:

– Мобилы мы промочили! Вернёмся через полчаса, максимум час. В доме возьмём трубу, сделаем звонок. Как понял?

Гера кивает.

– Захарика оставьте целым! – кричит Боцман. Он уже закончил с вещами и, закинув штаны на плечо, не спеша топает домой, слегка покачиваясь.

Гера, бросив хибарик, садится в машину.

– Я понял, кто вы! – Боцман, вдруг чему-то обрадовавшийся, машет своими мокрыми штанами. – Вы не из налоговой нифига!

Радостный Боцман аж подпрыгивает на своих мощных волосатых голых ногах.

– Вы не из налоговой! Вы – хиппи сраные!

12:12

Делаем мы пару шагов от берега, и тут сознание ко мне внезапно возвращается, будто это такой оптический аппарат, у которого на время вышел из строя фокус. Я вдруг всё отчетливо понимаю, всю вот эту произошедшую только что дичь несусветную. Я шиплю:

– Сеня, ты говна кусок. Ты только что чуть не утопил нас.

Нат держится чуть позади. Он приосанивается, как бы между делом говорит:

– Я почти даже не намок. Вот.

Сантьяго машет руками, как если бы его атаковал небольшой рой мошки.

– Да ты опух, – продолжаю я. – Ради каких-то танцулек!

– Так, успокойся, – отвечает он и меж тем открывает пакетик с синими разбухшими, постепенно превращающимися в кашку таблетками. – Нам просто нужен бензонасос для пизженого старого бензогенератора. Тоже мне великая задача. Попроси что-нибудь аналогичное у Фомича и сразу домой.

Я останавливаюсь, как вкопанный.

– Что? Повтори.

Сантьяго меняется в лице. Отрепённый пофигизм вдруг махом слетает с его хитрой смуглой рожи. Вид у него мгновенно становится как у щенка, которого поймали за обоссыванием хозяйского коврика. Он поспешно запечатывает зип и суёт таблетки в мокрый карман.

– Ну сейчас начнётся. Давай без этого самого. Мы просто забрали эту штуку, потому что она никому не была нужна. Стояла в отгрузочном, гнила себе спокойно. Гора железа, как и весь завод. Как и вся тяжёлая промышленность в стране. Как и вся страна. Выдохни, мучачо.

Тут весь расклад является мне чётко и ясно, как в уголовном досье. Прошлым летом Сантьяго с Герой искали работу и попросили меня устроить их на завод через дядюшку. Ну я, добрая душа, и устроил. А потом дядюшка уволился с завода, и, странное дело, почти синхронно Сантьяго стал устраивать эти выездные тусовки, весь свет и звук от которых получали благодаря бензиновому генератору «ЗУ-2». Теперь понятно – уведённому с завода моего дядюшки. И теперь им нужен бензонасос, ведь свой они где-то умудрились потерять. Наркоманы.

– Так, иди сюда, – говорю я ему и подхожу вплотную.

К тому моменту Сантьяго уже успел обратно собрать свою наглую улыбку.

– И? – вскидывает он брови. – Будешь мстить мне, и я пожалею, что родился на свет?

Он корчит такое лицо, будто очень напуган – получается нечто дебильное и необъяснимое, вроде древнегреческой маски.

Вдруг сзади меня раздаётся короткий шорох, а потом такой крик, что мне приходится пригнуться:

– Грабли вверх, мрази, или стреляю дуплетом!

Сантьяго тем временем выражения лица не меняет, но в его страдальческой гримасе мгновенно появляется куда больше жизненной правды. Глаза его выкатываются и смотрят прямо за моё плечо. Где-то там и находится источник короткого и однозначного звука – металлического щелчка. Не опуская рук, я оборачиваюсь и вижу один лазоревый глаз, зорко следящий за мной аккуратно поверх двух чёрных маслянистых отверстий, поверх двух бесконечностей – это дядюшка Коршун смотрит на нас через целик двустволки.

Но вот он опускает ружьё.

– Твою ж за ногу! – горланит дядюшка. – А я думал, опять жёлтые говноеды. А это, оказывается, совсем обычные – наши!

Тут дядюшка, зыркнув ещё разок на Ната, почему-то снова поднимает ствол.

– Слушай, малыш, а этот вот точно не из жёлтых у вас?

– Нет, дядь, он же белый.

Дядюшка цокает.

– Белый, значит. Ну тоже ничего хорошего, учитывая, что мы их почти сто лет назад подчистую перебили. Смотри у меня!

Но дядюшка миролюбиво опускает ружьё, обнимает меня и страстно прижимает к груди. Оглушающий поцелуй взрывается прямо на моем ухе.

– Во даёте, пацанята! Были б нервы чуть слабже, так прострелил бы вам каждому по одному лишнему отверстию в голове. Что делать потом прикажете? Хорошо, что лес большой и места много!

И он задорно смеётся.

12:29

Лес ласково расступается. Тропа ведёт вверх от берега. Нат замечает, что дядюшка на него до сих пор слегка косится, и, улыбнувшись, произносит:

– Хорошо вам здесь. Вы будто единственный любовник природы.

Дядюшка останавливается и с какой-то даже жалостью, прищурив лазоревые глаза, смотрит на Ната. Потом он переводит взгляд на меня, и лицо его – один сплошной знак вопроса.

– Как ты прикажешь мне свои любовные обязанности с ней выполнять? – наконец снисходит до речевого акта дядюшка.

Нат, чуть смутившись, пробует подобрать слова.

– Любовник природы, ну это ты дал поэзии. Меня прозаично весьма больше женщины привлекают. Точнее, женщина. Одна и единственная.

– Ты женился, дядя? – удивляюсь я.

– Нет, замуж вышел.

– А я ещё с ней не знаком!

– Ты ещё много с кем не знаком.

Мы почти подошли к калитке.

– А как её зовут? – интересуется Нат.

Но дядя не слышит, он снова перебрасывает двустволку с плеча на плечо и топает к своему дому.

Перед тем, как открыть калитку, он поворачивается к нам:

– Так, малыши. Среди вас нет ли нацистов, скинхедов каких-нибудь, ультраправых чертей?

Он окидывает нас взглядом и, вдруг расслабившись, начинает посмеиваться, глядя на Сантьяго.

– Ну ты, цыганёнок, точно уж не фашист.

Он касается прикладом двустволки плеча Сантьяго, тот почему-то тупит взор, будто бы виноват в том, что он не фашист.

– Ты, – он показывает на Ната, – вообще чудной какой-то, интеллигенция недобитая, но точно не фашист. – Ну а ты, – показывает он на меня, – был бы фашистом, давно бы тебя уже убил. Даже если бы твои ультраправые симпатии в тебе проснулись в младенчестве.

И дядя Коршун распахивает калитку и проводит нас вовнутрь. Глаз Сантьяго, как прожектор, тут же устремляется к гаражу, у стены которого приставлены моторы, сети, сломанные вёсла, автохлам и даже огромное крыло от самолёта, а может быть, и от ракеты. А я разглядываю дом: ещё в прошлом году крыша его была укрыта новенькой черепицей. Теперь же сверху добавился солидный мохнатый слой из множества листьев, ёлочных и сосновых иголок, другого неопределённого материала природного происхождения. Под скатом крыши всё те же сушатся сети – добротная капронка, никакой лески. Давненько ещё дядюшка объяснил мне, что рыбачить на дешёвые китайские лесочные сети, в которых путается не только рыба, но и всё живое – первый верный шаг на пути к содомскому греху. Под сетями я замечаю уложенные

кучкой циановые водоросли – знакомые мне растения. Чтобы отогнать плохие мысли, приходится потрясти головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.